

Камерные гарики

*Благодарю Тебя, Создатель,
что шит не юбочно, а брючно,
что многих дам я был приятель,
но уходил благополучно.*

*Благодарю Тебя, Творец,
за то, что думать стал я рано,
за то, что к водке огурец
Ты посылал мне постоянно.*

*Благодарю Тебя, Всевышний,
за все, к чему я привязался,
за то, что я ни разу лишний
в кругу друзей не оказался.*

*И за тюрьму благодарю,
она во благо мне явилась,
она разбила жизнь мою
на разных две, что тоже милость.*

*И одному Тебе спасибо,
что держишь меру тьмы и света,
что в мире дьявольски красиво
и мне доступно видеть это.*

ОБГУСЕВШИЕ ЛЕБЕДИ

ВСТУПЛЕНИЕ 1-е

Прекрасна улица Тверская,
где часовая мастерская.
Там двадцать пять евреев лысых
сидят — от жизни не зависят.
Вокруг общественность бежит
и суета сует кружит;
гниют и рушатся режимы,
вожди летят неудержимо;
а эти белые халаты
невозмутимы, как прелаты,
в апофеозе постоянства
среди кишящего пространства.
На верстаки носы нависли,
в глазах — монокли, в пальцах — мысли;
среди пружин и корпусов,
давно лишившись волосов,
сидят незыблемо и вечно,
поскольку Время — бесконечно.

ВСТУПЛЕНИЕ 2-е

В деревне, где крупа пшено
растет в полях зеленым просом,
где пользой ценится гавно,
а чресла хряков — опоросом,
я не бывал.

Разгул садов,
где вслед за цветом — завязь следом
и зрелой тяжестью плодов
грузнеют ветви,
мне неведом.

Далеких стран, чужих людей,
иных обычаев и веры,
воров, мыслителей, блядей,
пустыни, горы, интерьеры
я не видал.

Морей рассол
не мыл мне душу на просторе;
мне тачкой каторжника — стол
в несвежей городской конторе.
Но вечерами я пишу
в тетрадь стихи,
то мглой, то пылью
дышу,
и мирозданья шум
гудит во мне, пугая Цилю.
Пишу для счастья, не для славы,

бумага держит, как магнит,
летит перо, скрипят суставы,
душа мерцает и звенит.
И что сравнится с мигом этим,
когда порыв уже затих
и строки сохнут? Вялый ветер,
нездешний ветер сушит их.

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Это жуткая работа!
Ветер воеет и гремит,
два еврея тянут шкоты,
как один антисемит.

А на море, а на море!
Волны ходят за кормой,
жарко Леве, потно Боре,
очень хочется домой.

Но летит из урагана
черный флаг и паруса:
восемь Шмулей, два Натана,
у форштевня Исаак.

И ни Бога нет, ни черта!
Сшиты снасти из портьер:
яркий сурик вдоль по борту:
«ФИМА ФИШМАН,
ФЛИБУСТЬЕР».

Выступаем! Выступаем!
Вся команда на ногах,
и написано «ЛЕ ХАИМ»
на спасательных кругах.

К нападению все готово!
На борту ажиотаж:
— Это ж Берчик! Это ж Лева!
— Отмените абордаж!

— Боже, Лева! Боже, Боря!
— Зай гезунд! — кричит фрегат;
а над лодкой в пене моря
ослепительный плакат:

«Наименьшие затраты!
Можно каждому везде!
Страхование пиратов
от пожара на воде».

И опять летят, как пули,
сами дуют в паруса
застрахованные Шмули,
обнадеженный Исаак.

А струя — светлей лазури!
Дует ветер. И какой!
Это Берчик ищет бури,
будто в буре есть покой.

БОРОДИНО ПОД ТЕЛЬ-АВИВ

Во снах существую и верю я,
и дышится легче тогда;
из Хайфы летит кавалерия,
насквозь проходя города.
Мне снится то ярко, то слабо,
кошмары бессонницей мстят;
на дикие толпы арабов
арабские кони летят.

Под пенью пуль,
взметающих зарницы
кипящих фиолетовых огней,
ездовый Шмуль
впрягает в колесницу
хрипящих от неистовства коней.
Для грамотных полощется, волнуя,
ликующий обветренный призыв:
«А идише! В субботу не воюем!
До пятницы захватим Тель-Авив!»

Уже с конем в одном порыве слился
нигде не попадающий впросак
из Жмеринки отважный Самуилсон,
из Ганы недоеденный Исаак.

У всех носы, изогнутые властно,
и пейсы, как потребовал закон;
свистят косые сабли из Дамаска,
поет «индрерд!» походный саксофон.
Черняв и ловок, старшина пехоты
трофейный пересчитывает дар:
пятьсот винтовок, сорок пулеметов
и обуви пятнадцать тысяч пар.
Над местом боя солнце стынет,
из бурдюков течет вода,
в котле щемяще пахнет цимес,
как в местечковые года.
Ветеринары боевые
на людях учатся лечить,
бросают ружья часовые,
Талмуд уходят поучить.
Повсюду с винным перегаром
перемешался легкий шум;
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» —
поет веселый Беня Шуб.

Бойцы вспоминают минувшие дни
и талес, в который рядились они.

А утром, в оранжевом блеске,
по телу как будто ожог;
отрывисто, властно и резко
тревогу сыграет рожок.

И снова азартом погони
горячие лица блестят;
седые арабские кони
в тугое пространство летят.

Мы братья — по пеплу и крови.
Отечеству верно служа,
мы — русские люди,
но наш моговид
пришит на запасный пиджак.

КУХНЯ И САНДАЛИЙ

Все шептались о скандале.
Кто-то из посуды
вынул Берчкин сандалий.
Пахло самосудом.

Кто-то свистнул в кулак,
кто-то глухо ухнул;
во главе идет Спартак
Менделевич Трухман.

Он подлец! А мы не знали.
Он зазвал и пригласил
в эту битву за сандалий
самых злостных местных сил.

И пошла такая свалка,
как у этих дурачков.
Никому уже не жалко
ни здоровья, ни очков.

За углом, где батарея,
перекупщик Пиня Вайс
мял английского еврея
Соломона Экзерсайс.

Обнажив себя по пояс,
как зарезанный крича,

из кладовой вышел Двойрис
и пошел рубить сплеча.

Он друзьям — как лодке руль.
Это гордость наша.
От рожденья имя — Сруль,
а в анкете — Саша.

Он худой как щепочка,
щупленький как птенчик,
сзади как сурепочка,
спереди как хренчик.

Но удары так и сыпет!
Он повсюду знаменит,
в честь его в стране Египет
назван город Поц-Аид.

Он упал, поднялся снова,
воздух мужеством запах;
«Гиб а кук! — рыдали вдовы. —
Не топчите Сруля в пах!..»

Но — звонок и тишина...
И над павшим телом —
участковый старшина
Фима Парабеллум.

...Сладкий цимес — это ж прелесть!
А сегодня он горчит.
В нем искусственная челюсть
деда Слуцкера торчит.

Все разбито в жуткой драке,
по осколкам каждый шаг,
и трусливый Леня Гаккель
из штанов достал дуршлаг.

За оторванную пейсу
кто-то стонет, аж дрожит;
на тахте у сводни Песи
Сруль растерзанный лежит.

Он очнулся и сказал:
«Зря шумел скандальчик:
я ведь спутал за сандал
жареный сазанчик».

ПРО ТАЧАНКУ

Ты лети с дороги, птица!
Зверь, с дороги — уходи!
Видишь — облако клубится?
Это маршал впереди.

Ровно выются португеи,
мягко пляшут рысаки;
все буденновцы — евреи,
потому что — казаки.

Подойдите, поглядите,
полюбуйтесь на акцент:
маршал Сема наш водитель,
внепартийный фармацевт.

Бой копыт, как рокот грома,
алый бархат на штанах;
в синем шлеме — красный Шлема,
стройный Сруль на стремях...

Конармейцы, конармейцы
на неслыханном скаку —
сто буденновцев при пейзах,
двести сабель на боку.

А в седле трубач горбатый
диким пламенем горит,

и несет его куда-то,
озаряя изнутри.

Он сидит, смешной и хлипкий,
наплевавший на судьбу,
он в местечке бросил скрипку,
он в отряд принес трубу.

И ни звать уже, ни трогать,
и сигнал уже вот-вот...
Он возносит острый локоть
и растет, растет, растет...

Ну а мы-то? Мы ж потомки!
Рюмки сходятся, звеня,
будто брошены котомки
у походного огня.

Курим, пьем, играем в карты,
любим женщин сгоряча,
обещанием инфаркта
колет сердце по ночам.

Но закрой глаза плотнее,
отвори мечте тропу...
Едут конные евреи
по ковыльному степу...

Бьет колесами тачанка,
конь играет, как дельфин;
а жена моя — гречанка!
Циля Глезер из Афин!

Цилин предок — не забудь! —
он служил в аптеке.
Он прошел великий путь
из евреев в греки...

Дома ждет меня жена;
плача, варит курицу.
Украинская страна,
жмеринская улица...

Так пускай звенит посуда,
разлетаются года,
потому что будут, будут,
будут битвы — таки да!..

Будет пыльная дорога
по дымящейся земле,
с красным флагом синагога
в белокаменном селе.

Дилетант и бабник Мойше
барабан ударит в грудь;
будет все! И даже больше
на немножечко чуть-чуть...

МОНТИГОМО НЕИСТРЕБИМЫЙ КОГАН

На берегах Амазонии в середине нашего века было обнаружено племя дикарей, говорящих на семитском диалекте. Их туземной жизни посвящается поэма.

Идут высокие мужчины,
по ветру бороды развеяв;
тут первобытная община
доисторических евреев.

Законы джунглей, лес и небо,
насквозь прозрачная река...
Они уже не сеют хлеба
и не фотографии пока.

Они стреляют фиш из лука
и фаршируют не спеша;
а к синагоге из бамбука
пристройка есть — из камыша.

И в ней живет — без жен и страха —
религиозный гарнизон:
Шапиро — жрец, Гуревич — знахарь
и дряхлый резник Либензон.

Его повсюду кормят, любят —
он платит службой и добром:
младенцам кончики он рубит
большим гранитным топором.

И жены их уже не знают,
свой издавая первый крик,
что слишком длинно обрубают
глухой завистливый старик...

Они селились берегами
вдали от сумрака лиан,
где бродит вепрь — свинья с рогами
и стонут самки обезьян.

Где конуса клопов-термитов,
белеют кости беглых коз
и дикари-антисемиты
едят евреев и стрекоз.

Где горы Анды, словно Альпы,
большая надпись черным углем:
«Евреи! Тут снимают скальпы!
Не заходите в эти джунгли!»

Но рос и вырос дух бунтарский,
и в сентябре, идя ва-банк,
собрал симпозиум дикарский
народный вождь Арон Гутанг.

И пел им песни кантор Дымшиц,
и каждый внутренне горел;
согнули луки и, сложившись,
купили очень много стрел.

...Дозорный срезан. Пес — не гавкнет.
По джунглям двинулся, как танк,
бананоносый Томагавкер
и жрец-раскольник Бумеранг.
В атаке нету Мордехая,
но сомкнут строй, они идут;
отчизну дома оставляя,
семиты — одного не ждут!
А Мордехай — в нем кровь застыла —
вдоль по кустам бежал, дрожа,
чем невзначай подкрался с тыла,
антисемитов окружа...
Бой — до триумфа — до обеда!
На час еды — прощай, война.
Евреи — тоже людоеды,
когда потребует страна.

Не верьте книгам и родителям.
История темна, как ночь.
Колумб (айд), плевав на Индию,
гнал каравеллы, чтоб помочь.
Еврейским занявшись вопросом,
Потемкин, граф, ушел от дел;
науки бросив, Ломоносов
Екатерину поимел.
Ученый, он боялся сплетен
и только ночью к ней ходил.
Старик Державин их заметил
и, в гроб сходя, благословил.
В приемных Рима подогретый,
Крестовый начался поход;
Вильям Шекспир писал сонеты,
чтоб накопить на пароход.

...Но жил дикарь — с евреем рядом.
Века стекали с пирамид.
Ассимилировались взгляды.
И кто теперь антисемит?

Хрустят суставы, гнутся шеи,
сражение близится к концу,
и два врага, сойдясь в траншее,
меняют сахар на мацу.

В жестокой схватке рукопашной
ждала победа впереди.
Стал день сегодняшний — вчерашним;
никто часов не заводил.

И эта мысль гнала евреев,
она их мучила и жгла:
ведь если не смотреть на время,
не знаешь, как идут дела.

А где стоят часы семитов,
там время прекращает бег;
в лесу маргышек и термитов
пещерный воцарился век.

За пищей вглубь стремясь податься,
они скрывались постепенно
от мировых цивилизаций
и от культурного обмена.

И коммунизм их — первобытен,
и в шалашах — портрет вождя,
но в поступательном развитии
эпоху рабства обойдя,

и локоть к локтю, если надо,
а если надо, грудь на грудь,
в коммунистических бригадах
к феодализму держат путь...

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕРНЫЕ ГАРИКИ	5
Обгусевшие лебеди	8
Тюремный дневник	30
СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК	127
Часть первая	129
Часть вторая	165
МОСКОВСКИЙ ДНЕВНИК	207